

Дэвид Харви

ПОЧЕМУ НАБОР МЕР ДЛЯ СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ США ОБРЕЧЕН НА ПРОВАЛ?

Текущий кризис будет понят лучше, если его рассматривать как прорыв на поверхность тектонических сдвигов в пространственно-временной диспозиции развития капитализма. Тектонические плиты теперь ускоряют свое движение и вероятность более стремительного и разрушительного кризиса чем тот, что разразился около 1980 года, стремительно возрастает. Характер, форму, место и время этих прорывов на поверхность почти невозможно предсказать, но то, что они будут происходить все более часто и потрясать все более глубоко — это можно утверждать почти наверняка. Поэтому события 2008 года следует рассматривать в контексте более глубоко лежащих структур. Поскольку эти деформации внутренне присущи динамике капитализма (что не исключает и случаев кажущихся внешними ей разрушительных событий вроде катастрофических пандемий), то что может быть лучшим доводом в пользу сказанного Марксом: «Капитализм должен исчезнуть, уступив дорогу другому, более рациональному способу производства».

Я начал с этого тезиса потому, что по-прежнему считаю жизненно важным подчеркнуть, даже категорически утверждать (как делал постоянно в своих работах многие годы), что невнимание к анализу географической динамики капитализма или ее понимание как чего-то всего лишь случайного или эпифеноменального, означает как невозможность постигнуть неравномерное географическое развитие капитализма, так и невозможность сформулировать радикальные альтернативы ему. Однако это делает анализ предельно сложным, поскольку мы постоянно сталкиваемся с необходимостью выведения универсальных принципов, касающихся роли производства пространств, мест и сред капиталистической динамики, из моря часто изменчивых и разрозненных географических частных фактов. Так как же, следовательно, включить географическое исследование в наши теории эволюционных изменений? Присмотримся внимательнее к указанным тектоническим сдвигам.

В ноябре 2008 года, вскоре после выборов нового президента, Национальный совет по разведке США опубликовал примерный прогноз состояния мира к 2025 году. Возможно впервые полуофициальный орган Соединенных Штатов предсказал, что к этому году США, хотя и оставаясь по-прежнему могущественной державой (возможно даже самым могущественным игроком на мировой сцене), перестанет быть доминирующей страной. Мир станет многополярным, менее центрированным, а сила негосударственных акторов возрастет. В отчете указывается, что гегемония США в последнее время то возрастает, то уменьшается, но их экономическое, политическое и даже военное доминирование ныне неуклонно падает. И главное (здесь важно отметить, что отчет готовился до схлопывания американской и британской финансовых систем) «продолжится наблюдаемый ныне беспрецедентный сдвиг в относительном богатстве и экономической мощи от глобального Запада к глобальному Востоку».

Данный «беспрецедентный сдвиг» перевел в обратную сторону долговременный отток богатства из Восточной и Юго-Восточной Азии в Европу и Северную Америку, происходивший с XVIII века (отток, о котором писал с сожалением даже Адам Смит в «Исследование о природе и причине богатства народов»), но который постоянно усиливался с XIX века. Подъем Японии в 1960-х, за которой последовали Южная Корея, Тайвань, Сингапур и Гонконг в 1970-х, а потом быстрый рост Китая после 1980 года, одновременно с ускоренной индустриализацией Индонезии, Индии, Вьетнама, Таиланда и Малайзии в 1990-х, изменили центр тяжести капиталистического развития, хотя это не всегда происходило гладко (финансовый кризис в Восточной и Юго-Восточной Азии, случившийся в 1997–1998 годах, ненадолго, но резко перевел течение капиталов обратно на Уолл-стрит, в европейские и японские банки). Экономическая гегемония по видимости смещается к ряду государств Восточной Азии и если кризис, как я говорил выше, является моментом радикальной реконфигурации капиталистической истории, то тот факт, что Соединенные Штаты испытывают такую острую нехватку денег для выхода из финансовых затруднений, и что этот дефицит покрывается в основном странами с сохранившимися излишками — Японией, Китаем, Южной Кореей, Тайванем и странами Залива — говорит о возможности того, что мы переживаем момент закрепления данного сдвига.

Сдвиги подобного рода уже происходили в истории капитализма. Джованни Арриги в своем фундаментальном исследовании «Долгий двадцатый век» показал как гегемония переходила от городов-государств Генуя и Венеция в XVI веке к Амстердаму и Голландии в XVII-м, затем сосредоточилась с конца XVIII века в Британии, а потом, после 1945 года, оказалась в руках Соединенных Штатов. Арриги указывает на ряд особенностей таких переходов, которые релевантны и для нашего анализа. Каждый переход, отмечает Арриги, случается в ходе восходящей фазы финансиализации (он с одобрением цитирует утверждение Броделя, что финансиализация означает осень той или иной гегемонии). Но кроме того каждый сдвиг сопровождается радикальное изменение масштаба — от небольших городов-государств до охваты-

вающей целый континент экономики США во второй половине XX века. Это изменение масштабов объясняется капиталистическим законом постоянного накопления и темпами роста не ниже 3%. Но сдвиги гегемонии, докзывает Арриги, не predeterminedены изначально. Они зависят от наличия государств, экономически способных, а также политически и в военном отношении желающих взять на себя роль глобального гегемона (со всеми ее плюсами и минусами). Нежелание Соединенных Штатов принять эту роль перед второй мировой войной означало междуцарствие в многополярной системе, способствовавшее сползанию к войне (Британия была более не в состоянии сохранять принадлежавшую ей ранее гегемонию). Многие также зависят от того, как ведет себя прошлый гегемон в условиях умаления его прежней роли. Ранее это могло происходить как мирным путем, так и в ходе войны. В этом отношении тот факт, что США по-прежнему имеют подавляющее военное преимущество (особенно на высоте в 30 000 футов¹) в условиях уменьшения их экономической и финансовой мощи, а также неуклонного снижения их культурного и морального авторитета, заставляет с тревогой думать о возможных сценариях будущего перехода. Более того, не очевидно, что наиболее вероятный кандидат на смену США — Китай — обладает возможностью и желанием принять на себя роль гегемона; хотя его население без сомнения достаточно велико, чтобы отвечать условию увеличения масштаба, ни его экономические, ни его политические лидеры не проявляют намерения (или даже желания) занять позицию глобального гегемона. Из-за националистических конфликтов кажется неправдоподобным, что такую роль может сыграть некий союз восточно-азиатских государств, или что на длительный срок могут объединиться для этого фрагментированный и погрязший в спорах Европейский союз или так называемые страны БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай). По этим причинам предположение, что мы снова вступаем в период многополярности, конфликтующих интересов и потенциальной глобальной нестабильности, выглядит весьма правдоподобным.

Тем не менее тектонический сдвиг, выражающийся в ослаблении доминирования и гегемонии Соединенных Штатов, происходивший в последнее время, становится все очевиднее. Утверждение об избыточной финансовизации и о «долге как главном признаке ослабления лидирующей мировой державы» стали общераспространенны после исследований Кевина Филлипса. Осуществляемые ныне попытки восстановить доминирование США посредством реформ архитектуры национальных и глобальных структур государственных финансов кажутся обреченными на провал, пока из них исключаются большинство остальных стран мира, что неизбежно вызывает сильное их сопротивление и даже открытые экономические конфликты.

Однако тектонические сдвиги подобного рода не возникают по мановению волшебной палочки. Хотя историческая география сдвигов гегемо-

1. Намек на высоту, на которой летают американские бомбардировщики. — *Прим. перев.*

нии, как Арриги описывает ее, имеет четкие структуры и хотя исторический опыт не менее ясно свидетельствует, что периоды финансиализации предшествуют таким сдвигам, Арриги не дает убедительного объяснения тому, что в первую очередь вызывает данные сдвиги. Конечно, он упоминает «постоянное накопление» и вытекающий отсюда синдром роста (правило темпов роста не ниже 3%) как критически важные факторы для объяснения сдвига. Из этого следует, что с течением времени гегемония переходит от меньших (скажем, Венеция) к большим (например, США) политическим образованиям. Также понятно, что гегемония оказывается у того политического образования, в котором производится большая часть избыточного продукта (или в которое большая его часть притекает в форме дани или империалистического изъятия). Общее мировое производство в 2005 году составляло 45 триллионов долларов, из них США производили на 15 триллионов, что позволяло им быть доминирующим и контролирующим процесс участником игры, способным диктовать глобальную политику (как это обычно происходит в таких международных институтах как Мировой банк и МВФ, где они являются крупнейшим акционером). Прогнозы, содержащиеся в отчете Национального совета по разведке, отчасти были основаны на том, что в условиях уменьшения доминирования США они по-прежнему производят большую часть продукции по отношению к остальному миру вообще и Китаю в частности.

Но как отмечает Арриги, вступление на путь такой политики не было предопределено заранее. Претензии Соединенных Штатов на мировую гегемонию при президентстве Вудро Вильсона во время и сразу после первой мировой войны натыкались на господствовавшие тогда в США среди политиков изоляционистские настроения (вследствие коллапса Лиги наций) и только после второй мировой (против вступления в которую выступало население США, пока не случился Пирл-Харбор) США взяли на себя роль глобального гегемона посредством двухпартийного консенсуса насчет внешней политики, которая основывалась на бреттон-вудских соглашениях об устройстве послевоенного мирового порядка (характеризуемого холодной войной и распространением угрозы капитализму со стороны международного коммунизма). То, что Соединенные Штаты прошли длинный путь к государству, способному в принципе играть роль глобального гегемона, ясно из рассмотрения относительно раннего периода их истории. Для этого они обладали соответствующими концепциями, среди которых — «доктрина предназначенности» (географическая экспансия в рамках американского континента, которая в определенный момент распространилась на Тихий океан и район Карибского моря, пока не стала всемирной без территориальных приобретений); или «доктрина Монро», требующая от европейских держав оставить Америку в покое (эта доктрина была сформулирована на самом деле британским министром иностранных дел Каннингом в 1820 году, но практически сразу приспособлена США для себя). Соединенные Штаты обладали необходимым динамизмом, позволившим производить все большую часть валового мирового продукта и глубинной приверженно-

стью к определенной версии того, что можно назвать «захватом рынка» или «монополистическим» капитализмом, поддерживаемым идеологией радикального индивидуализма. Так что в определенном смысле США на большем протяжении их истории готовились к роли глобального гегемона. Удивляет скорее, что им понадобилось для этого столько времени и что только после второй мировой они стали играть эту роль, сделав межвоенные годы периодом многополярности и хаотического противоборства конкурирующих империалистических амбиций того типа, который с тревогой прогнозируются в докладе Национального совета по разведке о ситуации в 2025 году.

Происходящий сегодня тектонический сдвиг находится, однако, под мощным влиянием радикальной географической неравномерности в экономических и политических возможностях реагирования на текущий кризис. Для иллюстрации того, как функционирует данная неравномерность, обратимся к наглядному примеру. Когда начавшаяся в 2007 году депрессия стала углубляться, раздался призыв обратиться к широкомасштабной кейнсианской политике для вывода капитализма из тех проблем, в которые он попал. Для этих целей предлагались разные меры по стимулированию экономики и стабилизации банковской системы; в разных странах они были осуществлены в той или иной степени и тем или иным образом в надежде, что это поможет выйти из затруднений. Варианты этих предлагавшихся решений были самые разные, в зависимости от экономической ситуации и преобладающих политических настроений (вызвав противостояние, например, Германии в рамках Европейского союза Британии и Франции). А теперь рассмотрим разницу экономико-политических возможностей Соединенных Штатов и Китая, а также потенциальные следствия этого различия как для перехода гегемонии, так и для тех способов, которыми может быть преодолен кризис.

В США любые попытки найти адекватное кейнсианское решение были обречены на провал с самого начала из-за множества экономических и политических затруднений, которые практически непреодолимы. Кейнсианская политика потребовала бы массированного и долговременного дефицитного финансирования чтобы принести результаты. Можно с основанием утверждать, что попытка Рузвельта вернуться к сбалансированному бюджету в 1937–1938 годах вновь погрузила Соединенные Штаты в депрессию и, следовательно, спасла ситуацию вторая мировая война, а не слишком робкие попытки Рузвельта прибегнуть к дефицитному финансированию в ходе Нового курса. Так что даже если институциональные реформы и обращение к более эгалитарной политике и заложили основания послевоенного восстановления, Новый курс сам по себе на самом деле не смог помочь выйти Соединенным Штатам из кризиса.

Проблема США в 2008–2009 годах состоит в том, что они находятся в ситуации хронической задолженности остальному миру (они заимствовали порядка двух миллиардов долларов в день в течении последних 10 лет или еще дольше) и это устанавливает экономические границы для увеличения дефицита платежного баланса. (Что не было серьезной проблемой для Руз-

вельта, который начинал в условиях более-менее сбалансированного бюджета.) Существуют и геополитические ограничения, поскольку найдутся ли деньги для покрытия дефицита — это зависит от желания других государств (прежде всего государств Восточной Азии и Залива) давать в долг. По обоим причинам, экономические стимулы, доступные Соединенным Штатам, почти наверняка будут слишком недостаточны и ненадежны, чтобы решить проблему стимулирования экономики. Проблема усугубляется идеологическим сопротивлением со стороны части обеих партий пойти на огромных размеров дефицитное бюджетное финансирование, которое потребует; ирония состоит в том, что отчасти это объясняется тем, что предыдущая республиканская администрация руководствовалась принципом Дика Чейни: «Рейган научил нас, что на дефицит можно не обращать внимания». Как однажды указывал, например, Пол Кругман, главный публичный адвокат в пользу кейнсианской политики, 800 миллиардов, с большой неохотой выделенные Конгрессом в 2009 году, это хотя и лучше, чем ничего, но даже и близко недостаточно. Понадобится возможно порядка 2 триллионов долларов для решения проблемы и это действительно чрезмерный долг, учитывая сегодняшние размеры дефицита. Единственно возможным экономическим вариантом было бы заменить слабое кейнсианство чрезмерных военных расходов гораздо более сильным кейнсианством социальных программ. Сокращение военного бюджета США наполовину (сделав его более соответствующим бюджетам европейских стран в отношении к общему ВВП) было бы техническим решением, но стало бы, конечно, политическим самоубийством [для человека, выдвинувшего его], учитывая отношение республиканской партии, равно как и части демократической, к любому, кто предложит такой выход.

Второе препятствие является более очевидно политическим. Экономические стимулы, чтобы они заработали, должны быть направлены так, чтобы гарантировать, что деньги будут потрачены на товары и услуги, заставив экономику снова функционировать. Это означает, что любого рода социальные выплаты должны предоставляться тем, кто потратит их, то есть представителям беднейших слоев, поскольку даже средний класс, если и станет их вообще тратить, то скорее на покупку обесценившихся активов (например, скупая дома, предыдущие владельцы которых лишены права выкупа), нежели на покупку большего количества товаров и услуг. В любом случае, в плохие времена многие склонны использовать любые получаемые ими дополнительные доходы для выплаты долгов или для накопления (как это в основном и произошло, когда в начале лета 2008 года администрация Буша вернула американцам часть налогов).

То, что представляется целесообразным и рациональным с точки зрения домохозяйства, плохо отражается на экономике в целом (это очень сходно с тем, как для банков рациональнее запастись деньгами людей или скупать на них активы, нежели чем одалживать их). Общераспространенное в Соединенных Штатах негативное отношение к «раздаче денег всем кругом» и к любым социальным программам кроме снижения налогов для индиви-

дов, проистекает из основного для неолиберальной доктрины положения — «домохозяйствам виднее» (оно является главным для республиканской партии, но конечно не единственным). Это представление широко распространилось среди американцев как некая мантра в основном по причине более чем 30-летней неолиберальной индоктринации. Как я писал в другом месте, «мы все сегодня неолибералы», по большей части даже не осознавая этого сами. Существует молчаливое согласие, например, что «снижение заработной платы» — ключевая часть текущих проблем — это «нормальное» положение вещей в Соединенных Штатах. Ни один из трех основных принципов кейнсианства — усиление влияния трудящихся, повышение зарплат и социальные выплаты низшим классам — политически невозможно осуществить в настоящий момент времени в США. Малейшее подозрение, что подобная программа намекает на «социализм», вызывает дрожь ужаса у политического истеблишмента. Организации трудящихся недостаточно сильны (после 30 лет политических поражений), нет так же и признаков какого-либо широкого социального движения, которое могло бы настоять на перераспределении части богатств рабочему классу.

Еще один способ достичь целей кейнсианства — создание общественных благ. Это традиционно предполагает инвестиции в материальную и общественную инфраструктуру (создание Управления общественных работ в 1930-х было ранним вариантом этих действий). Отсюда проистекают попытки включить в программу мер стимулирования экономики работы по реконструкции и развитию материальной инфраструктуры транспорта и коммуникаций, а также другие общественные работы, как и повышение расходов на здравоохранение, образование, коммунальные услуги и т. д. Эти общественные блага действительно могут привести к созданию новых рабочих мест, а также к росту спроса на новые товары и услуги. Но есть основания предполагать, что эти общественные блага в определенный момент вместо того, чтобы стать «продуктивными государственными расходами» (то есть стимулировать дальнейший рост) превратятся в ряд социальных «белых слонов»², которые, как сам Кейнс давным-давно отметил, означают ничего более, как заставлять людей выкапывать ямы и засыпать их снова. Иными словами, стратегия инвестиций в инфраструктуру должна иметь своей целью постоянный трехпроцентный рост посредством, например, систематической реконструкции городских инфраструктур и образа жизни. Это невозможно без сложного государственного планирования в совокупности с наличием промышленной базы, которая может воспользоваться преимуществами инфраструктурных нововведений. И в этом отношении тоже происходящая уже долгое время деиндустриализация Соединенных Штатов, мощное идеологическое сопротивление государственному планированию (элементы которого были заложены в Новом курсе Рузвельта и которое про-

2. «Белый слон» — биржевой жаргон, выражение, обозначающее сделку, при которой расходы заведомо превышают потенциально возможную (предполагаемую) прибыль по ней. — *Прим. перев.*

должалось вплоть до 1960-х, пока не было прекращено в 80-х в условиях неолиберального бунта против этого элемента проявления государственной власти), откровенное предпочтение снижению налогов, а не инфраструктурным изменениям — все это делает проведение широкомасштабной кейнсианской политики в США совершенно невозможным.

А вот в Китае и экономические и политические условия таковы, что широкомасштабные кейнсианские меры действительно возможны и налицо множество признаков, что они скорее всего будут осуществляться. Начнем с того, что Китай имеет огромный запас излишка валютной наличности и ему легче поэтому кредитовать финансовую систему, чем США с их уже существующим огромным излишком задолженности. Стоит также отметить, что накапливавшиеся с середины 90-х годов «проблемные активы» (невозвратные кредиты) китайских банков (по некоторым оценкам, они составляли до 40% всех кредитов в 2000 году) были вычеркнуты из банковских книг неожиданным притоком избыточных запасов иностранной валюты. Китайцы уже давно реализуют аналог американской программы TARP³ и очевидно имеют здесь успехи (даже если многие из действий в ее рамках понесли урон из-за коррупции). Китайцы обладают необходимыми средствами для осуществления широкомасштабных программ дефицитного финансирования и централизованной системой государственного планирования, необходимой для их эффективной реализации. Китайские банки, ранее долгое время принадлежавшие государству, возможно и были номинально приватизированы, чтобы удовлетворить требования ВТО и привлечь иностранные капиталы и специалистов, но они по-прежнему крайне внимательны к пожеланиям центральных властей, в то время как в США даже малейший намек на государственные директивы, не говоря уж на национализацию, вызывает ярость политиков.

Не существует в Китае и абсолютно никаких идеологических препятствий для перераспределения доходов беднейшим слоям общества, хотя здесь возможно потребуются пойти против устоявшихся интересов богатейших членов партии и возникающего класса капиталистов. Указание, что это может привести к «социализму» или даже «коммунизму» будет только с энтузиазмом приветствоваться в Китае. Но китайская ситуация характеризуется тем, что возникновение массовой безработицы (последние отчеты заставляют думать о наличии около 20 миллионов безработных как следствии рецессии) и признаки повсеместного и быстро увеличивающегося социального недовольства почти наверняка заставят коммунистическую партию приступить к широкому перераспределению доходов невзирая на то, расположена ли она к этому идеологически или нет. Как представляется сегодня, в начале 2009 года, эта политика будет направлена прежде всего на возрождение отсталых сельскохозяйственных областей, в которые вернулись многие потерявшие работу рабочие-мигранты, отчаявшиеся

3. Принятая в 2008 году в США государственная программа по освобождению от проблемных активов (TARP — Troubled Asset Relief Program). — *Прим. перев.*

найти ее в промышленных районах. В этих регионах с неразвитой социальной и материальной инфраструктурой массовые инвестиции центрального правительства повысят уровень доходов, увеличат покупательный спрос и положат начало требующему много времени укреплению китайского внутреннего рынка.

Во-вторых, в Китае существует сильное стремление осуществить массовые инвестиции в инфраструктуру, которая все еще там плохо развита (в то же время практически никто из политиков не призывает к снижению налогов). Хотя часть подобных проектов может оказаться «белыми слонами», вероятность этого гораздо менее велика, поскольку в Китае по-прежнему необходимо очень много сделать для объединения национального пространства и решения проблемы неравномерного географического развития высокоразвитых прибрежных районов и бедных внутренних провинций. Наличие широкой, хотя и испытывающей проблемы промышленной базы, нуждающейся в пространственной рационализации, позволяет предположить, что эти усилия окажутся продуктивными государственными расходами. Большинство излишков в Китае могут быть поглощены в ходе развития пространства, несмотря даже на то, что спекуляции на рынке недвижимости в городах вроде Шанхая являются частью проблемы (как это происходит и в США), а не ее решением. Инвестиции в инфраструктуру, проведенные в достаточно широком масштабе, будут крайне важны как для поглощения избыточных рабочих рук, так и для предотвращения социальных волнений, а кроме того опять-таки для стимулирования внутреннего рынка.

Эти совершенно разные условия для проведения широкомасштабной кейнсианской политики, видимые на примере сопоставления Соединенных Штатов и Китая, имеют далеко идущие последствия для международных отношений. Если Китай направит большинство своих финансовых запасов на стимулирование внутреннего рынка (а он почти наверняка будет вынужден так поступить по политическим причинам), то у него останется меньше их для кредитования США. Снижение спроса на казначейские векселя минфина США рано или поздно вызовет повышение процентной ставки и негативно повлияет на внутренний спрос, а также — если повышение будет проведено неосторожно — может вызвать то, чего все боятся, но чего пока удавалось избежать: бегство от доллара. Постепенный отход от ориентации на рынок США и опора на внутренний китайский рынок как источник покупательного спроса для китайской промышленности значительно изменит баланс сил (и, кстати, будет чреват потрясениями как для США, так и для Китая). Курс юаня неизбежно возрастет по отношению к доллару (чего Соединенные Штаты давно требовали, но на самом деле опасались), что заставит Китай в еще большей мере опираться на внутренний рынок для развития совокупного спроса. Вызванное этими процессами ускоренное развитие Китая (контрастирующее с длительной рецессией, которая будет продолжаться в США) будет привлекать все больше и больше поставок сырья со всего мира в торговую орбиту Китая и уменьшать относительный вес Соединенных Штатов в мировой торговле. В конечном итоге это приве-

дет к усилению перетока богатств от Запада к Востоку в глобальной экономике и к быстрым изменениям баланса сил между господствующими экономиками. Тектонические изменения баланса глобальных капиталистических сил усилят всевозможные непредсказуемые политические и экономические варианты развития событий в мире, в котором США более не будут доминировать, хотя по-прежнему будут обладать большим весом. Величайшая ирония конечно заключается в том, что политические и идеологические препятствия в США для осуществления любой масштабной кейнсианской программы ускорят утрату Соединенными Штатами их гегемонии в глобальной политике несмотря на то, что мировые элиты (в том числе и китайская) хотели бы сохранить эту гегемонию как можно дольше.

Сможет ли истинное кейнсианство в Китае (а также в других странах, находящихся в сходном положении) быть достаточным, чтобы компенсировать неизбежный провал половинчатой кейнсианской политики на Западе — это открытый вопрос. Но неравенство, существующее в мире, вкупе с фактом угасания гегемонии США скорее всего являются сигналом о развале глобальной экономики на ряд региональных гегемонических образований, которые будут как яростно бороться друг с другом, так и сотрудничать в решении печальной проблемы кому достанется главная тяжесть долговременной депрессии. Такая перспектива конечно может вызвать уныние, но размышление над ней может пробудить большинство на Западе к осознанию неотложности проблем, стоящих перед ними и заставить политических лидеров прекратить повторять нудные банальности о восстановлении доверия и уверенности и вернуться к тому, что необходимо сделать дабы спасти капитализм от капитализма и его фальшивой неолиберальной идеологии. И если это означает социализм, национализацию, жесткое государственное управление, создание международных объединений, строительство новой и гораздо более равноправной (если не сказать «демократической») международной финансовой архитектуры — то так тому и быть.

Перевод с английского Владислава Софронова